Васька Игнатьев

Пролегала-просвистала да быстра реченька,
По прозванию-ту реченька Смородина,
Она усьём-то пала в Волгу-матушку;
Волга-матушка река да под Казань она пошла,
Под Казань она пошла, пошла под Вастрахань,
Она усьём-то попала да во синё морё.
По синю-то морю да тут караб бежит,
Баско-хо́рошо караб да изукрашеной:
Кабы нос-де, корма да подзолочена;
Место глаз-то его да было врезано
Как по челому камню да самоцветному;
Место ресниць-то его было приклеено
Как по целому бобру да по осистому;
Место бровей-то его было прибивано
Как по челой лисиче да бурнастоей;
Место ушей-то его было привязано
Как по целому волку да по рыскучему;
Место хвоста-то его было повешено
Как по целому зверю да по заморскому.
А карабль-от бежит, да как сокол летит,
А и рыщет карабль по-звериному,
Кабы хоботы-то мецёт по-змеиному,
Да не флюгар на дереве шатаитсе,
Будто лютая змея да извивается.
Да бежали, выбегали два гнеды тура,
Да настрецю им туриця, да родна матушка:
«Уж вы здраствуйте, туры, да дети малыя!» —
«Уж ты здраствуй, туриця, родна матушка!» —
«Уж вы где же, туры, да были-побыли?» —
«Уж и были мы ведь, матушка, во Шахаве,
Да погулели, сударына, во Ляхове,
Сарочинско чисто полё да впоперёк прошли,
Стольной Киев мы град да из конця в конець,
Некакого мы ведь цюда-та не видели,
Только видели чудышко не малое,

Да не малое чудо, да превеликое:
Да серёдка мы ноци, да середь те́мноей,
Да середка мы ноценьки осённоей,
Отворилисе ворота да городовыя,
Выходила девиця да младо красная,
Да в одной она рубашецьке без пояса,
Да в одних она чебле́тах без цюлоциков,
Выносила она книгу, да лис Еваньелье,
Забродила она да во Пуче́в-реку,
Забродила она да по колен в воды,
Да ищэ того поглубже — дак до горлышка,
Становилась ко камешку ко серому,
Да и клала она книгу да на серой камень,
Да стояла она тут от зари до зари,
Да цитала она книгу от доски до доски,
Да и сколько цитала, вдвое плакала».
Говорила им матушка родимая:
«Ох вы ой еси, туры да златорогия!
Не девиця выходила — да Богородиця,
Она цюет над городом незгодушку,
Она цюет над Киевом великую:
Да и Скурла-де царь да подымаитьсе
Да со тем же со сватушком со Куршаком,
Да со тим же со зетелком со Миршаком,
Нагонил он в чисто поле силы множество:
Попереди-то его да сорок тысецей,
По праву его, собаки, да сорок тысецей,
По леву руку собаки — сорок тысецей,
Позади-то его да числа-смету нет;
Поселилса он тут да нынь в чистом поле,
Хорошо-де собака да шатры выставил,
Хорошо он, татарин, да верхи выкрасил,
Да и сам он тут по силушки похаживат,
Да и сам он тут силушку разглядыват,
Да садилса-де Скурла да за дубовой стол,
Он писал ерлыки, да скору грамотку,
Выбирал он тотарина, какой больше всех,
Выбирал он тотарина, какой толще всех,
Да и выбрал такого да превеликаго,

Да и туша-то его да всё коса сажень,
Да коса-де сажень, сажень печатная,
Да и плеця-то его дак махова сажень,
Головище у его сильнёй пивной котёл,
Да ушища у его, как царски блюдища,
А глазищи его, как пивны чашища,
А ручища его, как сильны граблища,
А ножища у его, как сильны кичижища,
А и сам он ему тут наговариват:
„Да и едь ты через пашенки посеенны,
Через те же мелки да переулоцьки,
Через стены те едь да городовыя,
У ворот ты не спрашивай приворотников,
У дверей ты не спрашивай придверников,
Да ставь ты коня серёдка улицы,
Не привязывай коня ты, не приказывай.
Заходи ты во гриню во столовую,
Уж ты Богу не молись, да ты челом не бей,
Ты челом не бей, некому не кланейся,
Уж ты выложь ерлык да на дубовой стол;
Как ты выложишь ерлык, дак так и вон поди,
Так и вон поди, скоре назад гони“».
Тут подходит солнышко Владимер-князь,
Да читат он ерлык, да скору грамоту,
Да и то у собаки написано,
Да и то у собаки напечатано:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Уж ты дашь город добром, дак я добром возьму,
Ты не дашь город добром, дак я боём возьму,
Я великой ле дракой, да кроволитьицём:
Я соборны больши церкви да вси на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги во грези стопчу,
Чудны образы иконы да на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгину да за себя возьму».
Говорит же тут солнышко Владимер-князь:
«Ох ты ой еси, княгина да мать Опраксия!
Уж ты дума моя да была крепкая,

Уж ты слово моё да было тайное,
Уж ты вострая баба, да всё догадлива,
Пособи-ко ты мне на думу думати,
Да скажи-тко мине да ты пожалуста:
Да кого же нам послать нынь поединщиком?»
Говорит тут княгина да мать Опраксия.
«Ох ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Ты сходи-тко, ты поди да на царев кабак,
Кабы нет ли там какого руського богатыря?»
А на то-де нынь князь да не отслышалса,
Побежал нынь Владимер да на царев кабак,
Да и стретилась ему первая застава,
Да и стал тут-де князь ныньце выспрашивать:
«Кабы хто ле есь гулят на царевом кабаке,
Да на том же кружале да восударевом?»
Говорит ему первая подсу́шинка:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Ты не с нами думу думаешь — с боярами».
Побежал-де ныньце князь да он опять вперёд,
Кабы стретилась ему серенняя подсушинка,
Да и стал тут князь ныньце выспрашивать:
«Кабы хто же есь гулят на царевом кабаке?
Да на том же кружале да восударевом?»
Говорит ему серенняя подсушинка:
«Ты не с нами думу думаешь — с боярами».
Да пошёл тут князь ныньце опять вперед,
Да и стретилась посленняя подсушинка.
Да и стал тут-де князь ныньце выспрашивать:
«Уж и нет ли кого на царевом большом кабаке?»
Говорит ему последняя подсушинка:
«Кабы есть-ту да Васинька Игнатьевиць,
Он пропилсе, промоталсе да всё до нитоцьки,
Не креста у его нет, не пояса,
Он ведь спит-ту на пецьке, да на муравленке,
Да под тем же под красным под трубным окном,
Наступают ему да третьи сутоцьки».
Побежал тут князь ныньце опять вперёд,
Да приходит-то князь да на царев кабак,
Да добралса до Васиньки Игнатьевиця,

Да Василей-от спит, да как порог шумит.
Да и стал тут князь его побуживать,
Да и стал он тут его покликивать:
«Ох ты ой еси, Васинька Игнатьевиць!
Тибе долго же спать, да все пора ставать».
Да и будит его да во первой након,
Да и будит его да во второй након,
Да и будит его да во третей након,
Да и тут-де Василей да пробужаитсе,
От великого сна да просыпаетце,
Говорит ту-де князь да таковы реци:
«Ох ты ой еси, Василей сын Игнатьевиць!
Приходи ты во гриню да во столовую,
Пособи ты мине да думу думати».
Говорит-то Василей сын Игнатьевиць:
«Не креста у меня нету, да нынь не поеса,
Да пропилса я, промоталса да весь до ниточки».
Да и скоро-де князь-от крест-от выкупил.
Говорит ту-де Васинька Игнатьевич:
«Ты поди ты домой, да я ведь сам приду».
Да пошел-де тут князь да нынь домой назад,
Да стрецеют они да добра молодца,
Да того же они Василья сына Игнатьева,
Да садили его да за дубовой стол,
Подносили-де цяру да зелена вина,
Не велику, не малу — да полтара ведра.
Да завидели тут думныя бояра толстобрюхие,
А и это им порато да за беду стало:
«А кака эка чесь сёдни Васиньке Игнатьеву?»
А и тут нецё князь говорить не смет.
Говорит-то Васинька Игнатьевич:
«Да ещо ли я вам, Васинька, понадоблюсь?»
Говорят-то бояра да толстобрюхий:
«Тибе сказано ведь, Васинька, отказано!»
Да спросил тут Васька да во второй након:
«Да ищэ ле я, Васинька, понадоблюсь?»
Говорят-то бояра толстобрюхие:
«Тебе сказано ведь, Васинька, отказано!»
Повторил тут Васька во третей након:

«Не ищэ ле вам ведь Васинька понадобитсе?»
Говорят-ту бояра да толстобрюхии:
«Тибе сказано ведь, Васинька, отказано!»
А и князь-от ничего говорить ни смет.
Кабы тут-де ведь Васиньке за беду стало,
За великую досаду показалосе,
Тут седлал он, уздал да коня доброго,
Тут не видно поезки молодецкоей,
Только видно: Василий на коня скочил,
На коня-то скочил, да он коня стегнул.
Как приехал тут-де Васинька Игнатьевич:
«Как и еду ле я с вами[1] в стольно Киев-град,
Я грометь-шурмовать да стольно Киев-град,
Мы повыбьём-де всю силу да самолучшую,
Уж мы тех же бояр да толстобрюхиих,
Только тот с вами залог да я положу нынь:
Штобы оставить князя да со княгиною,
Да и царьской двореч, да церкви божии».
Состоялася война да тут великая,
Кабы бьют по всему да как по городу,
А князя двореч да оставаитце.
Говорит ту-де Скурла да таково слово:
«А не ложь ле ты это да придумал же?»
Заскочил-то Василей во гриню во столовую,
Да хватал он столешенку кедровую,
Да вызьнел ей ныньце выше могуцих плеч.
Да змолился ему да тут Владимер-князь:
«Ты оставь на покаянье грехом тяжкиим,
Не убей же ты во грине князя Владимера!»
Опустились у Василья да руки белыя,
Кабы выскоцил Василей да вон на улицу,
Да хватал он ведь трубоцьку да говорливую,
Заревел-завопел зычным голосом:
«Да пора нам надошла да нынь шабашити».
Тут бросали всю ныньце орудию,
Кабы стали совет они советовать,
Кабы стали они да думу думати,
Кабы стали делить да золоту казну,
Да и Васиньку стали да тут обделивать.

Говорит тут один да из тотар ище:
«Ох ты ой еси нынь, да ты ле Скурла-царь!
У бою́ у нас Василей да всех ведь больше был,
У делу́ ныньце стал да он ведь меньше всех».
Говорит ту-де нынь да ищэ Скурла-царь:
«У мня есь ищэ сабелька некровавлена,
Наделю по Васильевой по шее я».
А и это нынь Василью да за беду стало,
За великую досаду да показалосе:
«У меня есь же ведь сабелька запасная,
Наделю я по Скурлатыной по шеюшке».
Да хватал он и сабельку нынь вострую,
Да на ту руку махнёт — тут и улица,
На другу руку махнёт — переулоцек,
Да и сколько он бьет, вдвое конем топчёт,
Да и бился он тут да трои сутоцьки,
Не одного из них да не помиловал,
Да и всех нарушил да до единого.
Тут подходит-то солнышко Владимер-князь:
«Ох ты ой еси, Василей да сын Игнатьевич!
Заходи-тко ты во гриню да во столовую,
Да садись-ко ты нынь да за дубовой стол,
Хлеба-соли ты ись, да ныньце квасу пить,
Быват, хоцетса тибе и опохмелитсе,
Быват, хоцетсе тибе и опочинутце».

Заходил Василей во гриню во столовую, мыл руки белыя, простилсе (*извинился*) князю Владимеру —
расплакалса: неладно наделал. Тут посадил его князь и стали пировать — помирились.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме), 55 лет.)

1 С татарами (соб.).

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.